

Александр БАЛТИН

Родился в Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Поэт, прозаик, публицист. Автор книг и публикаций более чем в ста изданиях России и зарубежья, в том числе в журналах «Юность», «Вестник Европы», «Литературная учёба», «Литературное обозрение», «Нижний Новгород», «День и ночь», Florida (США), Il Convivio (Италия), «Время и место» (США), Il Richiamo (Италия), в «Литературной газете».

Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

ДЕРВИШ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

К 140-летию Велимира Хлебникова

1

Лабиринты или ходы?

Ходы в словесной почве, прорытые Хлебниковым, или лабиринты, построенные им?

Мария Вечора покончит с собой вместе с любимым эрцгерцогом, и история, уложенная в ступенчатую поэму, поднимет русский язык своеобразно, даст ему звучания, прежде не слышанные: не говоря о картинах, ярче масла выписанных словом.

В четыре строки уложены все надобности человека – жаль, одного – зато Председателя земного шара:

Мне много ль надо?
Коврига хлеба
И капля молока,
Да это небо,
Да эти облака!

Разумеется, стержень здесь – небо... и облака, ибо язык поэзии – от высот: они могут быть и филологическими, и математическими, но всегда их сияние должно определять суть – и поэзии, и жизни вообще.

Милейший кузнечик появляется как полноправный персонаж поэтического сообщества:

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

Сложно и просто творится, как будто на глазах, речь, сулящая новый размах, новую выразительность.

Сходятся пласты времён в мистических, вроде бы «неправильно» звучащих поэмах Хлебникова, сходятся, точно организуя невиданный простор всеобщности (вряд ли Велимиру был близок Н. Фёдоров, однако, схожий горизонт мысли просматривается):

Старик с извилистою палкой
И очарованная тишь.
И, где хохочущей русалкой
Над мертвым мамонтом сидишь,
Шумит кора старинной ивы,
Лепечет сказки по-людски,
А девы каменные нивы –
Как сказки каменной доски.

И ива именно старинная, как храм – как храм грядущего: языка, жизни, человечества.

Председателю ли земного шара не предвидеть будущего?

Он и год революции исчислить способен...

Он и лихость отметит в своём своде – подлинную, яро-русскую:

Не зубами – скрипеть
Ночью долгою –
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!

Да мало ли сколько самоцветов – хоть восточных, хоть собственной добычи – высыпал Хлебников на страницы книг...

Многим наполнивший закрома поэзии – много продуваемый ветром – дервиш русской поэзии – шар земной обнявший стихами – Велимир Хлебников.

2

Хлебников пропел песню счастья, как солнечный дервиш, совершающий под видом внешней метафизическую дорогу:

...Да это небо,
Да эти облака!

Небо ценнее хлеба: особенно мистическое, скрытое за видимым.

Математика, использованная для построения иных строф, делала стихи причудливо-необычными, и ясно было:

Не зубами – скрипеть
Ночью долгою –
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!

Дон и Волга текут всегда, перекипая мускульной рябью воды...

Отчего кончают с собой эрцгерцог и Мария Вечора?

От невозможности реализовать бесконечность любви на этом свете?

Много людей, слуги бегут, тяжелое масло картин мерцает на стенах охотничьего домика...

Хлебников – антенна – улавливал звуковые оттенки космических посылов.

Он бы хорошо управлял земным шаром – по-доброму.

Поэмы-то какие!

Скифские, лесные, дремучие, закрученные лабиринтом: проходи – не пройдешь.

В будущем будет будущее...

Оно всегда будет в стихах и поэмах Хлебникова, уходящих в бесконечную даль – как уходит в нее вечный поэт-дервиш...

3

Словесный расплав Хлебникова, влитый в русла времени, не затвердел, как могла бы лава, но продолжает жить странною плазмой, смешавшей в себе грезы и озарения, прорывы и провалы...

Орнаменты, выписанные по древнерусской канве, возникают, как формулы наивной живописи:

Горбатый леший и младая
Сидят, о мелочах болтая.
Она, дразня, пьет сок березы,
А у овцы же блещут слезы.
Ручей, играя пеной, пел,
И в чашу голубь полетел.
Здесь только стадо пронеслось
Свистящих шумно диких уток,
И ветвью рог качает лось,
Печален, сумрачен и чуток.

Ви́ла и Леший...

Но – не рай ли тут нарисован?

Или попытка нарисовать именно его, малиновый, проявилась так?

Мол, можно выхватить из сказовой реальности картины, вмещающие в себя так много, что и рай потускнеет?

Зыбь слога, очевидно лишние слова, воткнутые в строки: Хлебников иногда словно играл в графоманию.

...заклубится «Гибель Атлантиды», в которой, возможно, все люди, обладая открытым духовным зрением, не смогли достигнуть достаточно высокого нравственного уровня.

Отсюда – выдернутый с корнем остров: так свершилось по велению высших сил, чьи расчеты и планы нам не ведомы.

Хлебников – свернутость речи с одновременной ее простотой и картинами уже упомянутого рая; Хлебников – как воплощенный математический расчет, человек-формула, отменяющий игру иллюзий.

Сплошная иллюзия.

Амбивалентный Хлебников.

«Журавль» улетит, «Зверинец» исполнится клеткотом или чем там...

Неважно: важна дикая напряженность поэм, выброшенных в мир, едва ли нуждающемся в таком лингвистическом феномене: ему б романсов...

Но живут себе хлебниковские поэмы, разматываются клубками строк, переливаются самоцветами истин...

4

От графомана до гения – так аттестовали Хлебникова.

Думается, ему это было все равно – прорывающему ходы в почве речи безразлично, что думают о нем.

Наволочка набита стихами – и масса идей: дорога дервиша, хорошо знающего математику и способного к историческим расчетам.

Изящная мощь иных словесных перекатов:

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил...

Длинноты иных исторических построений: растянутая, к примеру, поэма «Мария Вечора» – само имя которой уже поэзия; а история тут проста: история любви, скрепленной кровью.

Новатор может плохо писать, допуская сбои в рифме (у кого их вообще-то не было?), предлагая ритмы, более подходящие на техническую неумелость.

Графоман может быть новатором?

Он ни то ни другое, он – Председатель земного шара, великолепно исходивший его, пусть в мечтах, красиво и безвестно отпетый самой степью – степью великой, как эпос тотального стихосложения.

Хлебников спел свои песни – от крошечных «Мне мало надо...» и «Крылышка золотописьмом тончайших жил» до глобальных «Ладомира», «Лесной девы», «Гибели Атлантиды».

Остается услышать.

5

Хлебников, роющий бесконечно длинные ходы в почве слова, не пересекающиеся с Клюевым, возводящим волшебные терема на земле.

Или?..

Труды Хлебникова уводили в сокровенные тайны русской речи, а Клюев увеличивал оную, возводя узорчатые словесные строения.

Клюев воспринимается безусловным мастером, не допускающим ляпов, в то время как Хлебников, слишком увлеченный глобальностью замысла, проскакивал мимо них, разбросанных в текстах.

И та и другая работы были связаны с отблесками небесных тайн – в большей или меньшей степени метафизическими, цветными островами испещрившими именно Россию, чей глагол давал столь многое, что жизнь, подчиняясь оному, должна бы меняться в лучшую сторону.

Но она, увы, не зависит от поэзии.

6

Кристаллы стихов Клюева математически выверены и точно выражены; Хлебников, далёкий от деревенской темы, но – погружённый в русскую стихию, как в нечто провидческое, обещающее невиданное, пересекается... своеобразием своей словесной математики с блещущими византийскими камнями поэтическими построениями Клюева...

Странно: тень входит в тень, Леший перекликается с Медным китом:

Горбатый леший и младая
Сидят, о мелочах болтая.
Она, дразня, пьет сок березы,
А у овцы же блещут слезы.
Ручей, играя пеной, пел,
И в чашу голубь полетел.
Здесь только стадо пронеслось
Свистящих шумно диких уток,

И ветвью рог качает лось,
Печален, сумрачен и чуток.

Дебрь русская, а – будто выросшая из византийской, и краски, что расплескивает вокруг Медный кит, всемирны, как грядущая речь Хлебникова:

Объявится Арахлин-град,
Украшенный ясписом и сардисом,
Станет подорожник кипарисом,
И кукуший лен обернется в сад.
Братья, это наша крестьянская красная культура,
Где звукоангелы сопостники людских пабедок
и просонок!
Карнаухий кот мудрей, чем Лемура,
И мозг Эдиссона унавозил в веках поросенок.

Из реальности – оба, странным зрением обладающие – поэта; и дервиш Хлебников, и крестьянский пророк Клюев словно соединены устремлением в... футуристическое зарево...

Только Клюев мнит его связанным с деревней, перешедшей неведомым образом во всплывающий Китеж, а Хлебников видит в линиях мысли организующее пространство так, чтобы им мудро смог управлять поэт.

Председатель земного шара.

Клюев бы отказался.

«Гибель Атлантиды» Хлебникова от роскоши русских глубин, и сама она – будто русская, осиянная тайной бескрайней нашей земли:

«Мы боги», – мрачно жрец сказал
И на далекие чертоги
Рукою сонно указал.
Холодным скрежетом пилы
Распались трупы на суставы,
И мною взнуданы орлы
Взять в клювы звездные уставы.
Давно зверь, сильный над косулей,
Стал без власти божеством.
Давно не бьем о землю лбом,
Увидя рощу или улей.

У Клюева «Заозёрье», как Атлантида: таинственная земля, где жизнь вьётся под доглядом попа Алексея: с окуным плеском в глазах.

Атлантида ушла под воду.

Китеж должен всплыть из-под воды...

Кажется, в заоблачности, беседуют Клюев и Хлебников, пользуясь небесным языком и выстраивая такие диалоги, что и Платон бы не отказался поучаствовать.